

The background of the book cover is a photograph of a landscape. It features a green field in the foreground, a line of trees in the middle ground, and a pale blue sky with some light clouds. In the top left corner, there are dark, out-of-focus silhouettes of leaves or branches.

НИКОЛАЙ ЮГОВ

**ТАЙНА
ОПАЛЬНОЙ
КНЯГИНИ**

16+

Николай Югов

Тайна опальной княгини

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Югов Н.

Тайна опальной княгини / Н. Югов — «ЛитРес: Самиздат», 2015

«Тайна опальной княгини» – это шестой короткий историко-приключенческий роман, рассказывающий о загадочной судьбе Юрия – сына Великого князя Василия Ивановича Московского и его первой жены, Соломонии Сабуровой. Несмотря на все попытки и князя Василия, а в последствии и его сына, Ивана (Грозного), этот человек, исчезнувший сразу после рождения из Суздальского женского монастыря, так и не был найден. Вот о нем, о жизни и удивительных приключениях законного наследника престола, и говорится в этом романе. Произведение написано на основании находок, обнаруженных в данной местности.

© Югов Н., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

Пролог. Наказ игуменьи	5
Глава 1. На пруду	8
Глава 2. Первая встреча	11
Глава 3. Ярмарка	14
Глава 4. Дарья	17
Глава 5. Визит к колдунье	20
Глава 6. Слуга князя Владимира	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Пролог. Наказ игуменьи

Апрельская ночь выдалась теплой и тихой. Безоблачное весеннее небо и густая безмолвная тишина неподвижно висели над крепостными стенами уснувшего древнего Суздаля. Где-то за полночь, из-за леса появилась луна. Большая и желтая, она, на какое-то время, замерла над пустынными улицами города, словно всматриваясь в их молчаливую и немного таинственную пустоту, а затем, не найдя там ничего интересного, поднялась выше и заглянула за ограду спящего Покровского монастыря. Как и везде в этот час, там было тихо и спокойно. Так продолжалось всю, оставшуюся часть ночи и лишь к утру, когда уже ночное светило достигло своего зенита, одно и многочисленных окон ненадолго озарилось неярким искусственным светом. Затем оно вновь погасло и, уже минуту спустя, в монастырском дворе почувствовалось какое-то смутное и неторопливое движение. Массивные ворота беззвучно открылись, и оттуда выехала крытая повозка, управляемая коренастым кучером. Она, не торопясь, пересекла ещё покрытую льдом речку Каменку и, достигнув хорошо наезженного тракта, уверенно взяла курс на запад.

– Игнат, останови! Сына покормить нужно, – послышался из повозки негромкий голос женщины и кучер, повинувшись её просьбе, свернул на обочину. Лошади встали. Игнат слез с облучка, поправил упряжь и тоже решил немного перекусить. Вторую неделю они без устали мотались по раскисшим апрельским дорогам, пытаясь добраться до того места, где родилась и выросла его пассажирка. Давно уже остались позади и Троицко-Сергиевский монастырь, и покрытая талой водой река Шоша и скоро на горизонте должно было появиться село Шишково – конечная точка их столь необычайной и долгой поездки. Дорога, на которую они выехали час назад, тянулась из города Старицы на Микулин стан, а оттуда и дальше, на Москву. Здесь чаще, чем в остальных местах, встречались и пешие и конные люди, постоянно куда-то спешащие по своим неотложным делам. Иногда, разбрызгивая грязь подковами лошадей, мимо проносились посыльные и тогда, давая им дорогу, все сворачивали на обочину. Ни князь, Андрей Старицкий, ни, тем более его брат, Великий князь Василий Московский не прощали тех, кто чинил помехи и препятствия в доставке их личной корреспонденции.

Покончив с более чем скромным обедом, Игнат вернулся на прежнее место и теперь его мысли вновь невольно сосредоточились на своей небогатой и, видимо, очень несчастной, пассажирке.

«Жалко Агафью», – с грустью подумал он, вспоминая все, что произошло за последние дни. – В одночасье лишилась и дома, и мужа. Всё унес страшный ночной пожар, пощадив лишь по какой-то странной случайности её и только что родившегося ребенка. Сначала прошел слух, что будто бы и он погиб в огне, но вскоре выяснилось, что это не так. Игнат сам видел, как игуменья принесла младенца в повозку и строго-настрого наказала возчику как можно быстрее доставить эту женщину в село, где она родилась. Там, на родине, Агафье легче будет пережить свое горе, да и близкие люди помогут в её дальнейшей, и, видимо, очень нелегкой, жизни.

– Можно ехать! – донесся из повозки знакомый голос, и Игнат стегнул лошадей. Они тронулись и медленно потащили повозку по разбитой и грязной дороге. До заката солнца оставалось не более двух часов, и нужно было ещё засветло добраться до очередного места ночлега.

В село Климово въехали поздно. Расположенное по обоим берегам невзрачной речушки Сасынки, оно, казалось, уже спало и только на боярском дворе все ещё слышались чьи-то приглушенные голоса. Туда решили не заезжать и, оставив позади крепкий дубовый забор, остановились у дома священника. Письмо, а точнее, охранная грамота, которую вручила игуменья, предписывала каждому христианину не отказывать им ни в пище, ни в ночлеге. Так оно и вышло. Молодой священник, отец Афанасий, хотя и не был в восторге от появления столь неожиданных гостей, однако хлеб и кров им полностью обеспечил. Он долго расспрашивал о

последних событиях в Суздале, но ничего нового для себя так и не узнал. Инокня София, недавно появившаяся в монастыре и очень интересовавшая отца Афанасия, лично не была знакома ни Игнату, ни его пассажирке. Агафья жила в миру, и все, что происходило за стенами монастыря, ей было неизвестно, а Игнат, хотя и служил там, конюхом, но знать все подробности монастырской жизни тоже не мог. Сразу же после пожара, случившегося в городе, игуменья, из сострадания к этой несчастной женщине, наказала отвезти её к родственникам. Не привыкший перечить своей хозяйке, он согласился. Что же касается самого пожара, то он был небольшим. Сгорело всего два дома, но об этом Агафья не хотела вспоминать, да и священник, отец Афанасий, не настаивал. Наконец, пожелав всем спокойной ночи, он удалился. Вскоре и гости, согревшись и насытившись скромным ужином, тоже улеглись спать.

Ночь прошла спокойно. К утру начал накрапывать мелкий дождь, сгоняя с полей последние остатки снега, и, когда уже полностью рассвело, на земле не осталось ни одного белого пятна. Игнат запряг лошадей и, поблагодарив хозяина за ночлег, тронулся в путь.

Последний отрезок дороги был самым трудным. Повозка, погружаясь своими полозьями в весеннюю липкую глину, двигалась медленно. Через каждые полверсты лошади останавливались и отдыхали. К полудню, с большим трудом добрались до небольшой, стоящей на пригорке деревни, именуемой Малое Курьяново. Дождь к тому времени уже прекратился, и в редких прогалинах облаков стало изредка появляться ослепительно-яркое весеннее солнце. Лежащая на пути бурва сияла под его теплыми лучами и была похожа на огромное зеркало, оставленное здесь каким-то добрым и сказочным великаном. В это время года она напоминала небольшое мелководное озеро, с множеством водоплавающих птиц на его серебристой, спокойной поверхности. Здесь были и дикие утки, уже вернувшиеся из дальних теплых краев, и домашние гуси, только что покинувшие дома своих хозяев, и даже несколько цапель, стоящих в воде и что-то внимательно высматривающих между пожухлыми стеблями редкой прошлогодней травы. Игнат слез с повозки, снял свои, выдавшие виды сапоги, и, взяв лошадей под уздцы, повел их на противоположную сторону водоема. Здесь было неглубоко, и вода едва доходила до колен. Агафья предусмотрительно забралась на сидение, и это спасло её ноги от хлынувшей в повозку воды. Наконец, мелководное препятствие было преодолено и Игнат, остановив лошадей, стал приводить в порядок себя и повозку. Из нее была вычерпана вода и сапоги, сухие и теплые, столь благоразумно снятые кучером ещё до переправы, вновь заняли предназначенное им место.

– Вот и конец нашим мытарствам! – с облегчением произнесла Агафья, всматриваясь куда-то в западном направлении. – Смотри, Игнат! Видишь, там, на западе, над самыми макушками деревьев маленький желтый огонек! Это и есть золоченый крест церкви Великого Дмитрия!

Кучер посмотрел туда, куда указывала его пассажирка и, действительно, увидел меж ветвей небольшое желтое пятно. Вышедшее из-за облака солнце вдруг коснулось его своими лучами, и крест засиял ровным золотистым цветом, словно кто-то неизвестным и могущественным таинственным образом зажег над лесом большую золотую звезду.

«Слава Богу! Наконец-то добрались! Наказ матушки игуменьи я выполнил. Теперь можно и домой возвращаться», – подумал Игнат, и, подождав, пока его пассажирка скроется в повозке, тронул лошадей. Те, словно почуяв конец столь утомительного и долгого путешествия, с удвоенной силой налегли на спеленавшую их упряжь, и весело потащили сани в сторону перелеска. Он скоро закончился, и перед глазами путников открылось большое ровное поле, на котором возвышался огромный земляной холм. За ним, на некотором отдалении, были хорошо видны и соломенные крыши большого села. Обнесенное ветхим деревянным забором, оно имело форму правильного прямоугольника, расположенного меньшей своей стороной с запада на восток, а большей – с юга на север. В свое время этот населенный пункт имел статус городка, но с уходом князей Микулинских в Московское княжество, необходимость в защите западных рубежей отпала сама собою и городок, постепенно теряя свое первоначальное назна-

чение, в конце концов превратился в обычное, заурядное село, каких много стоит теперь на этой старой прямоезжей дороге.

Покосившиеся въездные ворота были открыты и, спустя уже несколько минут, разгоряченные кони, миновав Торговую площадь села, остановились перед добротным, рубленным домом, принадлежащим одному из довольно зажиточных сельчан. Как впоследствии узнал Игнат, это был мельник, уже долгое время арендовавший у сына боярина Левашова, небольшое и уже далеко не новое мукомольное строение.

Дверь в помещение оказалась закрытой. Агафья поднялась на крыльцо и постучала. Послышались чьи-то шаги и уже через мгновение, на пороге дома появился молодой мужчина, чем-то похожий на свою гостью.

– Сестра!? – удивленно воскликнул он, глядя на стоящую передним Агафью. – Как ты здесь оказалась?

– Несчастье привело, Трофим. Большое несчастье! Ты не обессудь, что я без приглашения, но мои дела сложились так, что вынуждена была покинуть город Суздаль и вернуться в родное село. Я тебе всё расскажу.

Не наступил ещё и рассвет, как от дома мельника отъехала небольшая повозка. Сидя на облучке, Игнат ещё раз оглядел исчезающее в утренней дымке село и, поторапливая отдохнувших и накормленных лошадей, заспешил в сторону далекого Суздаля. Поручение, данное ему игуменьей, он выполнил полностью и вскоре расскажет в монастыре о том, что мирянка Агафья принята в семью своего брата и теперь можно уже не беспокоиться о её дальнейшей судьбе. Так рассуждал Игнат, все дальше и дальше удаляясь от жилых деревянных строений, именуемых здесь странным названием Шишково. Наконец, повозка пересекла обширное сельское поле и постепенно скрылась в далеком весеннем лесу.

Глава 1. На пруду

Моросило. Низкие темные облака медленно плыли со стороны Черного ручья и, минуя село, уходили куда-то далеко на северо-восток. Ещё вчера, ласковое майское солнце радостно грело своим теплом соломенные крыши разнообразных сельских строений, а сегодня, с утра, небо вдруг потемнело, и пошел мелкий, холодный, дождь.

Юшка стоял на берегу небольшого копаного пруда и с интересом наблюдал, как, несмотря на столь ненастную погоду, нерестятся проворные караси. Под берегом, то тут, то там, вода неожиданно приходила в движение и красноватые хвосты на какое-то мгновение вдруг показывались на её, беспокойной от дождя, поверхности. Затем, также неожиданно, они исчезали в таинственной глубине пруда, чтобы через минуту вновь вспенить воду своими красивыми и мощными плавниками. Здесь, на самом краю села, в этот час не было ни души. Морозящий дождь надежно удерживал людей в их сухих и уютных жилищах, и можно было спокойно, не привлекая постороннего внимания, любоваться этим редким и красочным зрелищем.

– Эх! Сейчас бы корзину сюда! За полчаса не менее пуда наловить можно! – грустно вздохнул Юшка, понимая, что в данном случае, это нереально. Он прекрасно знал, что в его селе, рыбная ловля давно уже запрещена. Ни удой, ни корзиной, ни даже собственными руками не позволялось брать рыбу из находящегося здесь небольшого боярского пруда. Лишь только осенью, в канун Ильина дня, да и то с разрешения хозяина, мужики брали небольшой бредень и процеживался им этот, достаточно глубокий и чистый водоем. Улов, по традиции, справедливо делился между всеми жителями села. Добыча была, как правило, небогатой, однако каждому селянину доставалось несколько относительно крупных карасей, которых они тут же и жарили, расхваливая на все лады их, хотя и костлявое, но очень вкусное мясо. К сожалению, это коллективное рыболовство ни в коей мере не касалось множества садков, устроенных на ручьях и в лежащей неподалеку бурве. Как и в Журавлиное болото, туда, весной, в больших количествах заходила рыба осетровых пород и сохранялась там до глубокой осени. Отгороженная от основного русла плотной стеной заслонок, она набирала вес, но перед сезоном дождей крупных особей вылавливали, а молодь опускали. Богатый улов полностью забирал себе боярский сын, Василий Александрович Левашов – нынешний владелец села.

– На рыбку любишься!? – неожиданно послышался из-за спины знакомый голос, и Юшка, обернулся. Недалеко от него, на зеленеющем уже пригорке, стоял, улыбаясь, высокий, хорошо одетый юноша. На вид, ему было тоже лет шестнадцать, но дорогая кожаная накидка и такие же кожаные сапоги делали его значительно старше. Это был Прокл – известный хозяйский племянник, от которого не раз доставалось его менее родовитым сверстникам. Заносчивый и ехидный, он всегда старался подчеркнуть свое превосходство над ними и, зачастую, ему это полностью удавалось. Родители этих сорванцов, не имея собственной земли, были вынуждены арендовать её у своего боярина. Некоторые, не очень удачливые крестьяне, брали у него и ссуду на приобретение семян и недостающего им инвентаря. К сожалению, многие из них так и не смогли вовремя рассчитаться с боярином и попадали к нему на долгие годы, а некоторые и навсегда, в полную материальную зависимость. Всё это накладывало определенный отпечаток не только на поведение самих должников, но и их детей. Одни из них старались завести дружбу с именитым боярским племянником, другие держались подальше от этого человека, а некоторые его просто игнорировали. К там подросткам относился и приемный сын неразговорчивого сельского мельника.

– Любуюсь, – уточнил Юшка, удивленный столь странным поведением своего имени-того и далеко не глупого сверстника. Для него было полной неожиданностью появление здесь этого, очень осмотрительного, человека. Прокл всегда щепетильно относился к своему здоро-

вью и вот теперь, несмотря на моросящий дождь, он вдруг решил покинуть свое сухое и теплое жилище и подойти к сельскому водоему.

– Любуйся, это у нас не запрещено, но ловить рыбу не смей, – решительным тоном произнес Прокл и подозрительно посмотрел на своего, промокшего насквозь, собеседника. – Увижу хоть одного карася в твоей кошелке, – скажу слугам, чтобы поймали вора и высекли, как следует. Вчера вот тоже один такой здесь крутился. Вроде бы по берегу ходил, а заглянули под рубаху – обнаружили карася. И когда только он успел его поймать!? Вроде бы и в воду, как и ты, не лазил? В общем, пороть не стали, а вот за родителями его записали долг. Будут в следующий раз следить за своим расторопным чадом!

– Да, неужели вам этих нескольких рыбешек не хватает? У самих в садках и приличной рыбы достаточно, а эту, мелкую и костлявую, вы никогда не продавали и сами не пробовали. Зачем она вам? Пусть лучше сдохнет в этом пруду, но людям не достанется! – с обидой в голосе, ответил Юшка. – Раньше такого здесь не было.

– Раньше были другие, вольные для вас, времена! – с издевкой в голосе, отчетливо произнес Прокл. – Избаловал вас тут князь Юрий в своей, бывшей, вотчине. Тогда вы тоже карася за рыбу не считали. Будь это при прежнем хозяине, брызгались бы сейчас всей оравой в пруду, а вечером уху варили. Ещё неизвестно, как распорядится Василий Александрович по поводу осенней ловли. Может, разрешит, а может и откажет по какой-то, вполне объективной, причине! Это зависит от того, как будете работать на его обширных и плодородных полях. Так что, забудь о прежних вольностях и иди, займись своим делом. Нечего тебе на чужую рыбу глазеть!

– А почему я должен всё это забыть? – вопросом на вопрос ответил Юшка. – Все, что здесь находится, имеет самое непосредственное отношение к благородным Микулинским князьям, начиная от Александра Михайловича и заканчивая Юрием Андреевичем. Это их стараниями построен был здесь небольшой уездный городок, который впоследствии и превратился в наше село. Твой родственник, Левашов Василий Александрович пруда не копал, домов не строил, а получил всё это от последнего Микулинского князя, Юрия. Сельскую мельницу, которую мы возводили всем селом, и ту теперь приходится у вас арендовать, а ведь жернова к ней, как я слышал, целых полгода везли по Волге из Кинешмы! Взять тот же огромный водоем, что находится на Благуше, близ дороги на Старицу. Ты, наверное, и знать не знаешь, что это не пруд, а старый, заброшенный карьер, откуда брали глину и возили её на дровнях в сторону Волги. Давно это было. Люди рассказывали, что народу там трудилось не менее сотни. Недалеко от тех мест до сих стоит небольшая деревушка Прокшино. В ней то и жили первые землекопы. Всё получалось у князей Микулинских: и дома строить, и плотины возводить и торговать с иноземными купцами умели, даже пытались кирпич самостоятельно обжигать, но, к сожалению, из этого ничего не вышло. Приходилось возить его издалека, хотя и глина, и вода здесь в избытке. Специалист был нужен. Долго искали, но так, видимо, найти и не смогли. Тем не менее, хорошо и привольно было жить в этом селе. Если бы не отобрали его у князя Юрия, построили бы и церковь каменную и сохи бы железные приобрели. Слышал, что где-то пашут железными сохами.

– Я про такое не слышал. Металл сейчас дорогой, и вряд ли будет кому позволено тратить его на изготовление железных сох. К тому же, вы и деревянными неплохо справляетесь.

– Микулинский князь, наверное, позволил бы это сделать, если бы у него село не отобрали. Хозяйственный он был человек и дальновидный. Много ли напашешь деревянной сохой. И берет она неглубоко и ломается в самое неподходящее время. Железной то было бы сподручнее.

– Может быть и сподручнее, – нехотя согласился Прокл – но это не для вас, а что касается села – на то была воля Великого князя Ивана Московского, да и Микулинским князьям не на что обижаться. Им был дан город Дмитров взамен утраченных здесь земель. Впрочем, какое тебе до этого дело. Я бы ещё мог понять, если бы о тех временах говорила Дарья – дочь нашего

священника. Она хоть и дальняя, но все-таки родня этим Микулинским, а ты здесь совершенно чужой. Подкидывай монастырский!

Юшка промолчал. Он, действительно, никогда не знал и не видел своих родителей. Женщина, которую он до последних дней считал своей матерью, перед смертью сказала, что он ей не сын. Потом, когда её похоронили, Юшка так и продолжал жить в доме её брата. Этот человек стал ему приемным отцом и о своих, настоящих родителях, больше не было сказано ни слова. Единственным предметом, подлинно принадлежавшим его истинному отцу, остался переданный ему Агафьей амулет. Это был небольшой круглый серебряный предмет, на такой же серебряной цепочке, который Юшка вместе с нательным крестиком постоянно, носил при себе.

Что касается Дарьи, то она, по материнской линии, действительно была из рода Дорогобужских, да и к тому же доводилась ещё и внучкой младшего сына Микулинского князя, Юрия, не пожелавшего, по примеру братьев, служить московскому князю. Последовавшая затем опала и лишение титула не очень огорчили Юрия Андреевича, и он продолжал жить здесь ещё долгое время, пока не скончался. Это было село, где родилась и выросла и его жена, и дети его, и внуки.

– Молчишь!? Вот и молчи, если нечего сказать в свое оправдание. Иди на мельницу и помогай своему опекуну ремонтировать дырявую крышу. Один он там под дождем мокнет. В прошлый раз, когда мололи зерно, мука была влажной и люди очень нелестно отзывались о вашей работе, – произнес Прокл, и вновь высокомерно посмотрел на своего собеседника. Тот, как и прежде, молчал.

Постояв ещё немного, но так больше и не обмолвившись ни словом, они разошлись. Юшка, кутаясь в уже полностью промокшую одежду, поплелся к мельнице, что стояла на краю села, а Прокл направился в сторону своего дома, заметно выделявшегося среди остальных своей добротной тесовой крышей и высоким крыльцом, украшенным снаружи затейливым резным орнаментом. Он был доволен этой встречей и тем, как ему удалось поставить на место этого невозмутимого и далеко не глупого парня.

«Пусть не забывает, кто теперь здесь хозяин!» – подумал юноша, мысленно похвалив себя за сообразительность и, немного постояв перед домом, поднялся на резное крыльцо. Ещё раз взглянув на ссутулившуюся под дождем фигуру своего соперника, он открыл входную дверь и спокойно вошел в помещение.

Глава 2. Первая встреча

На мельнице было безмолвно и пусто. Расположенная в северной части села, она выглядела сейчас совершенно безлюдной, и казалось, что это круглое добротное здание тихо дремлет под мелким, майским, дождем. Сезонный помол давно уже закончился, и теперь всё здесь надолго замерло в ожидании нового, обильного, урожая. Юшка открыл дверь и вошел в помещение.

– Где тебя носит в такую погоду? – откуда-то сверху, из темноты, послышался знакомый голос. – С утра ушел в кузницу, да так и пропал. Принес, что я просил?

– Дядя Трофим, я не мог раньше вернуться! У кузнеца необходимых нам гвоздей не было, вот и пришлось ждать, когда он их нарубит да откует, – и с этими словами юноша достал из-за пазухи небольшой, уже промокший сверток, доверху наполненный, только что откованными металлическими стержнями и, поднявшись по лестнице, протянул их Трофиму. Затем, достав ещё один такой же сверток и взяв молоток, он тоже приступил к ремонту обветшавшей от времени кровли. Там, под самой крышей, было темно, но Юшка никогда не обижался на собственное зрение и поэтому дело у него неплохо спорилась даже при такой, непозволительной для работы, темноте. Часть железных гвоздей, которые он оставил себе, скоро закончилась и юноше пришлось спуститься вниз за новой порцией крепежа. На этот раз, к сожалению, пришлось ограничиться всего лишь горстью их непрочных, деревянных, аналогов. Это тонкие дубовые палочки, называемые нагелями, требовали предварительно проделанного отверстия, и возни с ними было более чем достаточно. Конечно, они ни в какое сравнение не шли с их железными, кованными собратьями, однако вполне могли быть применимы в менее ответственных конструкциях. К тому же, стоимость такого крепежного материала, конечно же, была значительно меньше, что и позволяло широко использовать его при постройке или ремонте тех или иных деревянных строений.

К вечеру, все работы внутри помещения были завершены. Новые, ещё пахнущие смолой, доски теперь надежно прикрывали шатровую крышу мельницы, и оставалось только немного поправить снаружи её плотное тесовое покрытие. Дождь к тому времени прекратился. Солнце, наконец, пробившееся сквозь густую пелену облаков уже сияло где-то над промокшей Благушей и, казалось, совсем не спешило почтить своим вниманием не менее мокрое село. Лишь через полчаса, жаркие лучи его вновь коснулись съезжившихся соломенных крыш и больше уже не покидали их до самого заката.

Решив, что времени у него достаточно, Юшка перенес лестницу наружу и поднялся на крышу. Дощатая поверхность её была ещё влажной от дождя, но работать здесь было уже можно. Где-то там, наверху, предстояло найти десятка два небольших круглых отверстий, отставленных выпавшими от времени сучьями, основательно их законопатить и залить разогретой смолой. Дело было не легким, но все же он надеялся справиться с ним до наступления полной темноты.

Работа уже подходила к концу, когда вместительный горшок, наполненный кипящей смолой, вдруг лопнул и черная вязкая жидкость пролилась на угли костра. Мгновенно вспыхнуло пламя, и черный едкий дым, клубясь, поднялся над темнеющей крышей мельницы. Вот он коснулся Юшки, и лицо человека тут же покрылось обильной и едкой копотью.

«Не повезло», – сокрушенно подумал юноша и уже собрался спускаться с крыши, как вдруг со стороны бурвы послышался какой-то отдаленный шум. Юшка поднял голову и, прищелкнув, увидел большой, хорошо охраняемый обоз,двигающийся в сторону села. В уже повисших над землею редких вечерних сумерках трудно было понять, что это за люди, но, судя по их количеству, было ясно, что все они сопровождают какую-то очень важную особу. Такое событие в последние годы здесь было редкостью, хотя во времена князя Андрея Старицкого

это считалось обычным явлением. Сам Великий князь Московский, Василий, неоднократно ездил через это село к своему брату, и Юшка даже помнил один такой случай, когда он останавливался здесь на ночлег. Потом, когда князь Василий умер, а его брата, Андрея, казнили за организацию мятежа, дорога опустела. Конечно, по ней все также ездили торговые люди из Микулина стана в Старицу, но со стороны Москвы теперь редко кто приезжал в эти места.

Между тем, обоз въехал за ограду и остановился в центре села. В боярский дом из повозок стали заносить тюки, мешки и ещё какие-то вещи. Всё это говорило о том, что люди собираются остаться здесь до утра. Вскоре суета прекратилась, и всё стихло. Юшка слез с крыши, и, умыв свое, испачканное сажей лицо, не спеша, двинулся в сторону своего дома. Работа, которую он, к сожалению, так и не закончил, откладывалась теперь до следующего дня. Нужно было ещё до наступления полной темноты найти новый горшок под смолу, принести дрова и все подготовить для дальнейшего и окончательного ремонта кровли.

Солнце уже встало, когда Юшка, поеживаясь от утренней прохлады, вновь направился в сторону мельницы, надеясь в ближайшие часы завершить начатое дело. Проходя мимо пруда, он с удивлением заметил незнакомого подростка, который пытался поймать уже повсюду плескавшихся карасей. Ему было лет девять или десять и, судя по всему, он был не из местных. Эти мальчишки отлично знали о хозяйском запрете и вряд ли решились бы на такой безрассудный поступок.

– Уходи отсюда! Левашовы увидят – горя не оберешься! – произнес Юшка, подходя к незадачливому рыболову. Тот обернулся и вопросительно посмотрел на юношу.

– Я ведь не сетью и не бреднем ловлю. Неужели, за карася величиной с ладошку может последовать какое-то наказание? – удивленно произнес подросток. – Я этого не знал.

– Теперь знаешь! – уверенно произнес Юшка. – Уходи немедленно!

– Интересно, далеко ли вы собираетесь уйти!? – слышался знакомый голос. – Вчера ловить не решились, а сегодня все же отважились! Позвольте, по такому случаю, проводить вас к нашему двору! – перед ними, словно выросший из-под земли, стоял Прокл.

– Да не ловили мы твою рыбу! – уверенно произнес Юшка. – Мы только смотрели, как она нерестится.

– Смотрели, говоришь! А это что? – и Прокл показал лежащего на берегу небольшого карася. – Может, он сам сюда проник, решив подкормиться на этой лужайке!?

– Это мой карась! – уверенно произнес подросток. – Я его поймал и оставляю себе.

– Что ты сказал? – удивленно и с нарастающим возмущением произнес Прокл. – Это я здесь решаю, кто и что может себе оставить! Вот до чего дошла наглость человеческая! Ворует и даже не смущается. Ну, погоди, сейчас ты у меня по-другому заговоришь! – Прокл схватил подростка за шею и, не смотря на его сопротивление, потащил в сторону своего дома.

– Отпусти! – попросил Юшка, но ответа не последовало. Прокл всё также тащил пойманного воришку, не обращая на заступничество своего земляка.

– Ещё раз прошу, отпусти. Это моя вина!

– Если виноват, то тоже будешь наказан, а пока разберемся с этим юнцом. Он, явно, не из нашего села, и нужно будет узнать, как и по какой причине оказался здесь этот незнакомый мальчишка. Ты посмотри, как он нагло себя ведет. Я никому не позволю красть нашу рыбу, тем более в присутствии именитых гостей, – наконец отозвался Прокл. Он все также тащил свою сопротивляющуюся жертву к дому и не желал больше разговаривать.

Не отдавая себе отчета, Юшка догнал обидчика и, с силой, толкнул его в спину. Боярский племянник, явно, не ожидал такого неожиданного поворота событий и, отпустив подростка, бросился на своего обидчика. Тот увернулся и его соперник, потерял равновесие на скользкой траве, с воплями упал в пруд.

– За мной! – крикнул Юшка, и, увлекая ничего не понимающего подростка, стремительно бросился с ним в сторону мельницы. К сожалению, а возможно и к счастью, далеко уйти они

не смогли. Со стороны хозяйского дома, им наперерез, уже бежали несколько расторопных, боярских, слуг. Вскоре и Юшка, и его новый знакомый были пойманы и помещены в холодный подвал.

– Я не знал, что у вас здесь так строго, – удивленно произнес подросток, немного освоившись в темноте. – Когда нас отсюда выпустят?

– Не знаю, но думаю, что не скоро. Сидеть нам с тобой здесь, пока обоз не уйдет. При посторонних пороть, я думаю, не будут, – с грустью, ответил Юшка.

– Нет! Я, определенно, не хочу, чтобы меня пороли! Какое они имеют право со мной так поступать! – подросток подошел к двери и, не взирая на уговоры Юшки, начал настойчиво колотить ее ногами. Всё было тщетно. Снаружи стояла полная и безраздельная тишина. Тяжелый металлический замок был вполне надежен и не требовал никакой дополнительной, охраны

– Зря стучишь. До вечера вряд ли откроют. Видимо, ты ещё никогда не был узником таких подвалов, – добродушно произнес Юшка, наблюдая, как его товарищ по несчастью упорно пытается привлечь к себе внимание.

– Был я узником, но там никогда не пороли. Я добьюсь, чтобы меня немедленно выпустили отсюда! – и подросток, с ещё большим упорством продолжил колотить в тяжелую, дубовую, дверь.

Наконец, снаружи послышались чьи-то неторопливые шаги, дверь распахнулась и на пороге появился один из боярских слуг.

– Что за шум? Вот я тебе сейчас плетью попопечу!

– Ты не смеешь со мною так разговаривать. Веди меня к княгине, я ей сам всё объясню!

– А почему именно к княгине? Просись сразу к Великому князю Ивану Васильевичу! Ещё раз услышу хотя бы единый шорох, выпорю, не дожидаясь вечера! – и с этими словами дверь снова плотно закрылась.

– Зря ты так сказал. Эти люди боятся только своего хозяина и никакая княгиня им не указ, да и нет у нас здесь никакой княгини, – грустно произнес Юшка. – Да если бы и была, то вряд ли бы стала заступаться за неизвестного ей маленького бродяжку, а за меня и подавно.

– Я не бродяжка, я..., – но внезапно открывшаяся дверь заставила подростка замолчать.

– Эй, малец, выходи! – раздался знакомый голос слуги, но интонация, с которой он это теперь произнес, говорила о том, что что-то за это время изменилось и изменилось совсем не в худшую сторону.

– Прощай, Юшка! Может быть, мы с тобою ещё и встретимся, – произнес подросток, и, сопровождаемый отчего-то вдруг очень подобревшим слугой, скрылся за дверью. К вечеру, когда обоз ушел, отпустили и оставшегося в подвале второго узника. На удивление, его, как и полагается в таких случаях, не стали ни пороть, ни ругать и только Трофим, встретив его на пороге собственного дома, лишь укоризненно покачал головой, но тоже ничего не сказал.

Глава 3. Ярмарка

Время прошло незаметно. Долгие летние дни, достигнув своего апогея, постепенно пошли на убыль. Жара исчезла, уступив место мягкой осенней прохладе, и на берегах появились первые желтые листья. Затем, постепенно, пропали и они. Небо всё чаще стало затягиваться серыми, плотными облаками, сквозь которые лишь изредка пробивалось неяркое и совершенно уже не греющее солнце.

Холода в этот год наступили рано. Снега ещё не было, но земля уже значительно промерзла. На окраине, да и в самом селе сейчас было шумно и многолюдно. Сюда, как и сотни лет назад, съезжались со всей округи ремесленники, ткачи, гончары, земледельцы и прочий рабочий люд, в надежде купить или продать тот или иной товар. Расположенное на перекрестке дорог, это место издавна привлекало внимание многих торговых караванов. Купеческие обозы, движущиеся со своими товарами от Верхнего Волока на Новый Торг, пересекались здесь со своими конкурентами из Москвы, Микулина, Старицы и даже Твери, хотя она и стояла в стороне от этих, основных, торговых путей.

Сельчане, а вместе с ними и Юшка, тоже принимали активное участие в этой ярмарке, которая ежегодно проводилась в конце октября. Торг начинался здесь в день памяти великомученика Дмитрия Солунского, чье имя носила сельская церковь, и продолжался целую неделю.

Юшка стоял в ряду торговых людей и, как умел, предлагал покупателям свой товар. Рядом с ним находились несколько мешков ржи, оставшейся от нового урожая, лежали на земле кочаны свежей капусты, а на сколоченном наспех прилавке ещё недавно красовались несколько выделанных шкур куниц, которых ему удалось поймать буквально за неделю до торга. Клюква, лесные орехи и связки сушеных грибов лишь дополняли этот незатейливый ассортимент недорогих сельских товаров.

Погруженный в свои дела, юноша давно уже забыл о том событии на берегу пруда, но оно вдруг вновь, в этот холодный осенний день, напомнило ему о себе.

– Как торговля? – раздался приятный женский голос и Юшка, подняв голову, увидел Дарью – дочь сельского священника. Небольшого роста, одетая в лисью шубку и укутанная большим шерстяным платком, она выглядела ещё ребенком, хотя ей уже и исполнилось четырнадцать лет.

– Идет понемногу! – улыбнувшись, ответил Юшка. – Народа сегодня достаточно, так что надеюсь к вечеру полностью распродать свой товар. Беличий мех уже продал, а вот на грибы пока ещё покупателей не нашлось. Видно много этого товара на ярмарке, да и год был грибной, сами насобирали. Ты себе что-нибудь присмотрела?

– Нет. Я просто хожу и наблюдаю, как торгуются люди. Есть, конечно, интересные вещи, которые бы я хотела приобрести, но они слишком дороги.

– Не переживай! Никогда нельзя иметь все что хочется. Мне вот тоже хочется купить кожаные сапоги, как у Прокла, но, как и в твоём случае, они тоже слишком дороги для меня.

– Кстати, о Прокле. Ты ничего не слышал? – и Дарья внимательно посмотрела на Юшку.

– Нет, ничего. А что случилось?

– Ничего серьезного. Просто вчера приходили сватать меня за этого человека

– Сватать!? За Прокла!? – лицо Юшки мгновенно побледнело. – Что же ты им ответила?

– Я им ничего не ответила, да и кто меня спрашивать будет. Отец сказал, что мне ещё рано замуж идти. На этом сватовство и закончилось.

– А если бы твой отец согласился?

– Упала бы к его ногам и просила не выдавать меня замуж за этого негодяя!

– Молодец! А за меня бы пошла?

– За тебя! – Дарья удивленно и с каким-то нескрываемым любопытством посмотрела на Юшку. – За тебя бы, наверное, пошла, да, только, никто меня не отдаст. Если отец отказал племяннику боярина Левашова, то, что говорить от тебе. К тому же и прихожане могут неправильно понять своего священника, согласись он на такой непонятный и совершенно необъяснимый брак своей дочери с безродным, да и к тому же совершенно не обеспеченным человеком. В общем, выброси эту крамольную мысль из головы!

– Я и сам всё понимаю, – грустно произнес Юшка. – Ну, а если, вдруг, случится что-то такое, невозможное, ты согласишься выйти за меня замуж?

– Ещё раз повторяю, что моего согласия никто спрашивать не будет. Случится тоже ничего не может, даже если этого очень сильно захотеть. Простолудин не может жениться на дочери сельского священника! – Дарья замолчала.

– И даже, в отличие от Прокла, не сможет найти для этого дела сватов, – добавил Юшка, и тоже обреченно повесил голову.

– Может быть, я подойду для такого дела!? – раздался вдруг чей-то задорный голос. Юшка вздрогнул и поднял голову. Перед ним стоял тот самый мальчишка, с которым они сидели ещё весной в старом боярском подвале. Теперь он был прилично одет и выглядел как сын довольно зажиточного купца.

– Привет! Опять ты в наших краях? – Юшка немного повеселел. – Не обращай внимания на наш разговор. Он такой же пустой, как и твои слова о помощи. Здесь одного желания мало. Не ровня мы друг другу.

– Стань ровней и сватайся! – улыбаясь промолвил мальчишка.

– Стань ровней! Да что ты в этом понимаешь? Каким образом безродный юноша может стать ровней внучке князя Юрия. Глупости всё это.

– Почему же глупости? Разве ты не можешь бросить торговлю и пойти на службу к боярину или князю? Получишь чин, накопишь денег и посватаешься.

– Кто же меня на эту службу возьмет!? Прокл, хотя и боярский племянник, а ведь тоже получил отказ. Не взял его на службу Старицкий князь, Владимир, а обо мне и говорить не стоит. Спасибо, конечно, за сочувствие и желание помочь, но всё это одни лишь наши несбыточные фантазии.

– Почему же фантазии? Старицкому князю, действительно, нужны смелые, преданные, да и к тому же, порядочные люди. Из Прокла преданного слуги не получится, а вот тебя я возьму!

– Спасибо на добром слове! Предложение, конечно, заманчивое. Дарья, может мне действительно, согласиться? Как ты на это смотришь!? – приняв сказанное за шутку, с улыбкой произнес Юшка, глядя на девушку.

– Соглашайся, а я подожду пока по причине твоей полной безродности, сам князь Владимир не посватает меня за своего слугу. Думаю, что ему отец перечить не станет! – тоже немного повеселев, ответила Дарья.

– Вот и договорились! – серьезно произнес мальчишка. – Жди сватов, Дарья! И считай, что твой ненаглядный уже принят на княжескую службу!

– Благодарствуем, князь! Что бы мы делали без тебя!? – все ещё продолжая улыбаться, промолвила Дарья. – Нельзя ли нам, для полного счастья, узнать и имя своего благодетеля!?

– Имя, как имя. Владимир – князь Старицкий.

– Ах, вот оно что! Как же это я сама-то не догадалась! Слышишь, что твой приятель говорит?

– Слышу. Болтает, что попало. У нас в селе таких князей – хоть пруд пруди!

– Но, я, действительно, князь! Слову моему не верите, так, может быть, поверите своим глазам! – и с этими словами мальчишка достал из-за пазухи какой-то небольшой красивый предмет. – Вот, посмотрите!

Дарья внимательно осмотрела предмет и вдруг побледнела.

– Княжеский знак! Откуда он у тебя!? – только и смогла выговорить она. Мальчишка ничего не ответил, а только улыбнулся.

Юшка, и Дарья стояли молча, и на их лицах читалось какое-то невероятное удивление, перемешанное с паническим чувством страхом.

– Этого не может быть! – только и смог произнести Юшка, немного придя в себя. – Ты – князь!?

– Да, князь. С сегодняшнего дня ты принят на службу. О моем решении пока никому не говорите. Пусть это будет своеобразным сюрпризом для бояр Левашовых. А теперь я с вами прощаюсь и жду своего нового слугу завтра, в Старице, на своем Дворе, – с этими словами мальчишка повернулся и исчез в разношерстной ярмарочной толпе.

– Мне кажется, что это, определенно, чья-то злая и неуместная шутка. Не могу поверить, что этот мальчишка, с которым я ещё весной сидел в боярском подвале и есть князь, Владимир Старицкий! Представляешь, кем я буду выглядеть, если приду на княжеский Двор и скажу, что уже зачислен на службу? – проговорил Юшка, все ещё находясь под влиянием только что произошедших событий.

– Это не шутка! Это совсем не шутка! Я и раньше видела княжеский знак и, поверь мне, что он не поддельный! Это, действительно, был молодой князь Владимир! Что же нам теперь делать? – испуганно проговорила Дарья.

– Придется мне завтра же отправиться в город. Хотя и, по-прежнему, считаю все это шуткой, но идти придется. Получу там несколько ударов плетью за свое нахальство и вернусь в село. Видимо, оно так и будет, а о том, что здесь случилось, действительно, лучше нам помолчать, – юноша все ещё никак не мог поверить в реальность только что произошедшего события.

К вечеру, понемногу распродав свой товар, Юшка вернулся домой. Он нехотя поужинал и лег лавку. Сна не было. Мысли, одна тревожнее другой, роились в его голове, но ни одна из них не давала ответа, как объяснить свое завтрашнее отсутствие на торгах. Рассказать о случившемся событии он никому не мог, даже Трофиму. Оставалось одно, встать пораньше, и пока ещё в доме все спят, тайно отправиться в город. Если повезет, и его там не посадят в подвал, то к вечеру он вернется и продолжит свое торговое дело. Конечно, домочадцы поругают его немного, но всё обойдется миром. Иного варианта у Юшки просто не было.

– Дядя Трофим! Мне бы завтра сходить, проверить капканы – голос Юшки звучал не очень уверенно, но Трофим не предал этому абсолютно никакого значения.

– Иди, если нужно, но к обеду обязательно вернись. Ярмарка ждать не будет.

– Вернусь! – обрадовано отозвался юноша и, решив для себя эту проблему, спокойно уснул.

Ночь ещё сияла в небе своими яркими и крупными звездами, когда Юшка, с небольшой котомкой за плечами уже бодро шагал в сторону Благуши. Через некоторое время он достиг темной стены деревьев и вскоре исчез во мраке безмолвного осеннего леса. К утру небо постепенно заволочлось низкими тучами и пошел первый снег.

Глава 4. Дарья

С кухни доносился приятный запах пищи, но есть не хотелось. Дарья снова оделась и вышла на улицу. Она, как и прежде, немного постояла у крыльца, а затем, не торопясь, пошла в сторону пруда, видневшегося на противоположном конце улицы. За сегодняшний день девушка уже трижды проделывала этот путь, надеясь встретить, так и не появившегося на ярмарке, Юшку. Она, конечно, догадывалась о его возможном местонахождении, однако эта догадка пока что не предвещала ничего хорошего. Вчерашняя встреча с подростком, назвавшимся князем Старицким, наводила на мысль, что именно к нему и отправился её приятель. Дарья уже неоднократно корила себя за то, что так неосмотрительно поверила этому незнакомому мальчишке и предмету, очень похожему на княжеский знак. Мало того, она заставила поверить в это и самого Юшку. Теперь оставалось лишь ждать, чем закончится столь необычайный визит её друга к Старицкому князю, Владимиру. Хорошо, если его вообще не допустят на княжий Двор и тогда Юшка вновь вернется в село и по-прежнему будет молотить муку, помогая своему названному отцу в этом нелегкой, но очень нужной и благородной работе.

Погруженная в свои мысли, девушка в очередной раз прошла всю улицу, и уже решила возвращаться назад, как вдруг рядом раздался неприятный, хотя и хорошо знакомый ей, голос:

– Здравствуй, Дарья! Что-то ты по этой улице весь день ходишь. Не потеряла ли чего? – девушка вздрогнула и подняла глаза. Перед ней стоял Прокл.

– Нет. Ничего я здесь не теряла. Просто решила пройтись и немного подышать свежим воздухом. У нас в доме сегодня пекли хлеб, и оттого печь настолько прогрела помещение, что хоть дверь открывай!

– Может оно и так, – согласился Прокл – но, если я не ошибаюсь, ты уже четвертый раз выходишь сюда проветриться. Не много ли за один день?

– Не много. Нужно будет – и в пятый раз выйду! Ты что, следишь за мной?

– Наблюдаю.

– Интересно, чем же это я вызвала такой интерес к своей персоне?

– Интерес, скорее не к тебе, а к нашему общему знакомому. Его не видно с самого утра, хотя в такой день этот человек просто обязан находиться на ярмарке. Вчера он там был, а сегодня его торговое место пустует с самого утра. Сама понимаешь, без очень серьезной причины, так не поступают. Не бросит купец ярмарочный торг, если нет у него более выгодной сделки!

– Понятно, что не бросит, но при чем здесь я?

– Ни при чем, однако я подумал, что и ты его ищешь?

– Вот, ещё! У меня и иных забот хватает.

– Надеюсь, что мы говорим об одном и том же человеке. Я имею в виду Юшку.

– Я тоже имею в виду этого юношу. Не понимаю, зачем тебе знать, куда он исчез? Трофим сказал, что его приемный сын ушел проверять расставленные в лесу капканы. Он обещал к обеду вернуться и вновь занять свое место на торге. Может быть, у тебя есть иная информация?

– Информации нет, но есть смутные и не очень приятные подозрения. Возможно, ты и не знаешь, но вчера у нас в селе был знатный гость. Так вот, он тоже интересовался, где можно найти этого самого Юшку. Ума не приложу, зачем он понадобился князю Владимиру?

– Князь Старицкий был у нас в селе!? Ты не шутишь? Такое событие не должно было остаться незамеченным, однако никаких разговоров по этому поводу как не было, так и нет. Может быть ты ошибся, Прокл?

– Рад бы считать это ошибкой, но, к сожалению, князь Владимир, действительно, заезжал в наше село. Он пробыл здесь не более полчаса, а затем снова продолжил свой путь в принадлежащий ему красивый удельный городок, именуемый Старицей.

– Сама никогда не видела этого молодого князя. Расскажи хотя бы, как выглядит это человек? Интересно было бы на него посмотреть!

– Ничего интересного в нем нет. Мальчишка он ещё. Возвращался с небольшой свитой из Микулина стана и буквально на полчаса, остановился здесь отдохнуть. Со мною не разговаривал. Видимо, ещё не простил того, что с ним произошло этой весной. Искал Юшку. По всей вероятности, хотел отблагодарить его за тот поступок, но так и не найдя этого голодранца, уехал в свой удел.

– Он не голодранец! Юшка честно зарабатывает свой хлеб и возможно, в будущем, станет зажиточным купцом или хорошим воином! – с возмущением воскликнула Дарья. – Вот увидишь, так оно и будет!

– Не понимаю, почему ты за него заступаешься? Купцом он никогда не станет, потому что для этого нужны деньги – много денег. Что касается его службы, то да, сейчас юный князь формирует свою дружину, но к Юшке это не имеет никакого отношения. Она набирается из людей знатного сословия и им, на срок службы, полагаются князем и земли, и люди. Скажу по секрету: обо мне уже хлопочет мой дядя и, думаю, что он своего добьется. Обида юного князя уляжется и он, в конце концов, примет меня к себе на службу. В противном случае у нас через некоторое время могут отобрать это село и передать его какому-нибудь княжескому слуге.

– Ты боишься, что село Шишково может достаться другому человеку? – испытующе глядя на своего собеседника, спросила Дарья. – Ни нашего ли Юшки ты так испугался?

– Зачем мне бояться этого Шишковского голодранца. Холопом у князя он ещё может быть, но слугой – никогда! – уверенно закончил свое повествование Прокл, и, посмотрев на Дарью, с удивлением отметил, что его собеседница явно повеселела.

– Вижу, что и ты по этому поводу полностью разделяешь мое мнение о дальнейшей судьбе этого села, – промолвил Прокл, по-своему, понимая смену настроения своей прекрасной собеседницы. – Холоп, как ему и положено, всегда должен знать свое место!

– Прокл, мне почему-то думается, что князь Владимир все-таки хотел предложить Юшке не деньги, а, именно, службу при своем Дворе! – уже открыто улыбаясь, произнесла Дарья.

– Думать и фантазировать можешь так, как тебе вздумается. Ты сама ведь этого предложения не слышала, а с какой целью юный князь искал Юшку, одному ему лишь известно, – с иронией произнес Прокл.

– Ошибаешься! Я этот разговор слышала сама!

– Что ты слышала!? – удивленно и непонимающе спросил юноша. – Ты слышала, как князь Владимир Старицкий предлагал Юшке службу при своем Дворе!?

– Я немного оговорила. Слышала, от знакомых, что князю Владимиру нужны не только надежные слуги, но и верные холопы. Быть при слугах княжеских, а конкретнее, прислуживать им, ведь тоже для простолюдина честь немалая. Может быть, именно это и хотел предложить Юшке князь Старицкий! – исправляя свою ошибку, сказала Дарья, но глаза её сияли.

– Это верно. Быть холопом у княжеских слуг для Юшки великая честь. Такую должность князь Владимир, действительно мог, ему предложить. Впрочем, как же это я сам об этом догадаться? – произнес Прокл. – Оказывается ты, Дарья, не только красивая, но и умная. Через год я снова зашлю к тебе сватов!

– Засылай, но это вряд ли что-то изменит!

– Ты думаешь, что мне вновь будет отказано?

– Возможно и так. Родители ещё не нашли человека, достойного быть моим мужем.

– Может и нашли, да ты об этом не знаешь.

– Если бы нашли, то обязательно бы мне сказали.

– Надеюсь, что это будет не тот юноша, о котором мы с тобой говорим.

– Успокойся! Приемный сын сельского мельника вряд ли сможет жениться на внучке князя Юрия. Да ты это и сам понимаешь не хуже меня.

– Конечно, понимаю, – уверенно произнес Прокл и, распрощавшись со своей собеседницей, неторопливо зашагал в сторону своего дома. Разговор с Дарьей, хотя и не выбил его из колеи, но заставил серьезно поволноваться. Вчера, совершенно неожиданно, в селе появился юный князь Владимир. Пока его слуги кормили лошадей, этот отрок куда-то незаметно исчез. Были слухи, что он будто бы искал Юшку, но не нашел. После того, как этот юноша весною заступился за молодого князя, отношения между ним и боярским племянником сильно изменились. Взаимная неприязнь переросла в скрытую вражду, и перевес сил был явно не на Юшкиной стороне. Все говорило о том, что Левашовы могут не продлить Трофиму срок аренды его мукомольного строения и к Юрьеву дню оно сменит своего владельца.

День уже клонился к закату, когда Дарья вновь поднялась на крыльцо своего дома. Она долго бродила по улицам, осмысливая все последние события, но так и не пришла к определенному выводу. Теперь, уже сидя у пышущей жаром печи, она пыталась разобраться со своими мыслями. С одной стороны, всё говорило о том, что тот мальчишка с ярмарки был именно Владимир Старицкий, что косвенно подтвердил и Прокл, но в то же время она прекрасно понимала, что ещё не было случая, чтобы кто-то из простолюдинов нашел себе службу на княжеском дворе. По давно уже сложившемуся обычаю, на такую ответственную должность брали лишь детей бояр, несших службу у князя или опытных ратников, добровольно перешедших к нему от иного князя или боярина. Юшка не подходил ни под одну из этих категорий, а значит и не мог быть принят в княжеские слуги. С другой стороны, она сама слышала, как юный князь сказал Юшке, что он зачислен в дружину. Не верить князю у нее тоже не было никаких оснований. Наконец, так и не придя к какому-либо определенному решению, она поднялась с лавки, и, пользуясь тем, что в этот час никого не было дома, взяла с полки небольшой горшок меда. Аккуратно завернув его в платок, девушка вновь оделась, и, осторожно выглянув за дверь, вышла на улицу.

Вокруг было темно и морозно. Холодные яркие звезды, не мигая, смотрели с безоблачного небосвода на замерзшую землю, и казалось, что они не просто смотрят, а внимательно наблюдают за фигурой человека, с опаской идущего по безлюдной улице села. Иногда лай собак или иной посторонний звук заставляли её замереть на какое-то мгновение, а затем вновь, таясь и озираясь по сторонам, продолжить свое движение. Наконец, эта смутная фигура достигла сельских ворот, и, минуя их, вышла в поле. Здесь, на открытом пространстве, холод был более ощутим. Поеживаясь и кутаясь в свою одежду, человек свернул на юго-запад и, оставив позади уже заснеженные склоны кургана, остановился перед убогим, наполовину врытым в землю строением. Постучав в дверь, но так и не дождавшись ответа, человек открыл её и, борясь с собственным страхом, осторожно вошел в помещение.

Глава 5. Визит к колдунье

В избе стоял полумрак, и пахло травами. Связанные в небольшие пучки, они гроздьями висели под самым потолком и придавали этому полутемному помещению какой-то невероятный, таинственный, вид. Натопленная, и теперь пышущая жаром, огромная печь, занимающая не менее четверти избы, мерцающая в правом углу свеча и некоторые другие мелкие подробности говорили о том, что хозяйка находится дома.

– Мне можно войти? – спросила Дарья, осторожно оглядываясь по сторонам.

– Ты уже вошла, – раздался из темноты негромкий спокойный голос. – Проходи, садись и рассказывай, что тебя привело сюда в столь поздний час.

– Человек пропал. Вчера он ушел из нашего села, да так, до сих пор, и не вернулся. Хочу узнать, что с ним произошло, – несмело произнесла Дарья, усаживаясь на лавку.

– Кто этот человек? – произнес все тот же голос и девушка, наконец, разглядела сидящую у стола пожилую женщину, которая видимо и была хозяйкой этого дома. Жители села считали эту отшельницу колдуньей и жить ей в Шишкове было запрещено. Её боялись, но тем не менее многие из сельчан шли за советом к этой непонятной и немного странной женщине. Она прекрасно разбиралась в лечебных травах и уже не раз помогала местным жителям справиться с одолевающим их недугом. Некоторые люди уверяли, что эта знахарка может также предсказать и будущее человека, но проверить это утверждение было практически невозможно. Вот и Дарья, после долгих сомнений, тоже решила спросить её о судьбе пропавшего человека. Она прекрасно понимала, что такой поступок едва ли будет одобрен её родителями и тем не менее все же решила сходить к отшельнице и узнать, куда пропал её, исчезнувший из села, приятель.

– Этого человека зовут Юшкой, – наконец, произнесла девушка и замолчала в ожидании ответа.

– Твой приятель в данное время находится в Старице, – послышался в ответ уверенный голос колдуньи.

– Он в темнице? – волнуясь, спросила Дарья.

– Почему же в темнице? Он – слуга князя Владимира и находится при его Дворе. С ним всё нормально, здесь и гадать не нужно.

– Это, правда!? Ты ничего не путаешь? Юшка – простолюдин! Таких на княжескую службу не принимают.

– Ты спросила, где Юшка, и я ответила, а что касается службы, то людей на нее подбирает сам князь и только он решает, кто достоин быть в рядах его дружины.

– Я говорю о Юшке из нашего села. Может быть, у князя Владимира служит какой-то другой Юшка.

– Я тоже говорю именно о Юшке из нашего села. Не беспокойся, у него все хорошо, и завтра он сам тебе всё расскажет.

– Спасибо! – успокоено, произнесла Дарья, и, поставив гостинец на стол, собралась уходить.

– Перед тобой сегодня приходил один человек и тоже интересовался Юшкой, – вновь послышался голос колдуньи.

– Это был Прокл?

– Да, это был именно тот человек, имя которого ты только что назвала.

– Что же ты ему сказала?

– То же, что и тебе. Он тоже, как мне кажется, не очень-то и поверил моим словам, но в отличие от тебя ушел очень расстроенный.

– Может быть, ты все-таки ошиблась? Сама ведь знаешь, что при княжеском дворе могут служить лишь дети бояр и воевод. Юшка —простолюдин и по всем существующим законам не может, да и не имеет права быть слугой князя Владимира. Это было бы явное нарушение всех существующих традиций!

– Князь Владимир не нарушал традиций и взял на службу достойного человека.

– Я никогда и не сомневалась в том, что Юшка достоин находиться при дворе Владимира Старицкого и князю вряд ли удастся найти себе более надежного и верного слугу, но он смерд по происхождению и только лишь поэтому не может находиться в одном обществе с более именитыми людьми.

– Юшка не смерд и, поверь мне, по происхождению он ничем не уступает своим товарищам по дружине.

– Как это не смерд? Юшка вырос в нашем селе и всегда работал либо в поле, либо на мельнице со своим отчимом. Я же его с самого детства знаю!

– Знаешь, да не всё. Тайна этого человека известна лишь твоему отцу, у которого исповедовалась Агафья, да никому он об этом не скажет. И ты у него не спросишь, потому что вынуждена будешь признаться, что ходила к колдунье, а это, для дочери священника, большой и непростительный грех.

– Если Юшка не смерд, то кто же он? Ты можешь мне это сказать?

– Нет, этого я тебе сказать не могу, но придет время, и ты сама все узнаешь.

– Когда придет это время?

– Не скоро, но обязательно придет. Жди. Древние боги благосклонны к тебе.

– Древние боги не желают рассказать мне всю правду о Юшке? Что же это за благосклонность такая? Не верю! – и Дарья решительно направилась к двери.

– Верить или нет – твое дело. Сейчас мы выйдем за порог, найдем звезду Юшки, и ты сама убедишься, что я не лгу, – и колдунья, накинув на себя выдавший виды тулуп, вместе с Дарьей вышла из помещения.

За стенами дома было холодно и темно. Дарья закуталась в платок и, покинув теплое помещение, последовала за колдуньей. Идти пришлось недалеко. Они остановились в полу-сотне шагов от избы, откуда хорошо просматривалось и село, и спящий под снегом курган, и огромное ночное небо, сплошь усыпанное сейчас яркими, зимними, звездами.

– Вот мы и пришли, – произнесла спутница Дарьи. – Взгляни на курган. За ним, почти касаясь вершины этого заснеженного холма, ты обнаружишь, небольшую, но очень красивую зеленоватую точку. Это и есть звезда твоего приятеля, Юшки.

Дарья долго всматривалась в темное, бездонное небо и лишь спустя какое-то время, действительно, нашла среди тысяч ночных светил маленькую, сияющую, звездочку. Она была едва видна над линией горизонта и горела ровным, спокойным светом. Дарья некоторое время смотрела на эту далекую звездочку, и ей вдруг показалось, что та, словно почувствовав её взгляд, дрогнула и как-то странно заморгала.

– Вот видишь, она чувствует тебя, – послышался рядом голос колдуньи. – Позови её.

– Как я могу позвать звезду? Разве же она может меня услышать?

– Конечно, может. Если дорог тебе твой Юшка, то она обязательно услышит тебя и ответится.

– Хорошо. Я позову её, но предупреждаю, что если это обман, то я расскажу всем, что никакая ты не колдунья, а обыкновенная шарлатанка! – и с этими словами Дарья вновь внимательно посмотрела на маленькую звездочку, висящую над самым горизонтом. Она всё также застенчиво моргала своим зеленоватым светом, словно чего-то ожидая от смотрящей на нее девушки.

«Я хочу, чтобы Юшка вернулся. Чтобы он был, как и прежде, рядом, и чтобы ничего с ним не случилось. Если ты, действительно, его звезда, дай мне знак, что слышишь меня, что

поможешь мне и будешь всегда рядом со мной в трудную минуту!» – так думала Дарья, глядя на далекую лучистую звездочку, но, сколько бы она ни всматривалась в этот мерцающий, зеленоватый огонек, ничего сверхъестественного не происходило. Всё также горели над головой ночные светила, все также смотрела на землю, вышедшая из-за горизонта луна и всё та же безмолвная тишина висела над промерзшим и спящим селом. Девушка опустила глаза, полностью уверившись в том, что её обманули.

– Смотри! Она услышала тебя! – раздался вдруг голос колдуньи, и Дарья вновь подняла глаза. На горизонте происходило что-то невероятное. Звездочка Юшки искрилась и постепенно, ускоряя движение, шла в её сторону. Ещё мгновение и, оставив за собой длинный огненный след, она коснулась снежной макушки кургана и, не задерживаясь там, упала к ногам Дарьи. Глухой звук удара и поднявшийся в воздух фонтан снега, смешанного с промерзшей землей, явно говорили о том, что это не галлюцинации. Когда девушка немного пришла в себя и, преодолевая страх, осмотрела неглубокую темнеющую воронку, то обнаружила там небольшой, но относительно тяжелый предмет, внешне напоминавший обыкновенный камень. Он был ещё теплый и как-то таинственно мерцал, лежа у нее на ладони. И ещё, он был очень похож на сердце человека.

– Береги его звезду. Она едва не угодила в курган, а это значит, что Юшку ждет смертельная опасность, но, к счастью, всё закончится благополучно, – откуда-то уже издалека донесся голос колдуньи. Затем послышалось, как скрипнула дверь и вновь все стихло. Дарья стояла, сжимая в руке этот странный, светящийся под лунными лучами предмет и мысли, одна фантастичнее другой, окончательно перепутались в её голове.

Домой Дарья вернулась за полночь.

– Где ты пропадаешь? Мы уже все переволновались. На дворе ночь, а тебя все нет. Думали, не случилось ли что с нашей Дарьей. Собрались идти и искать! К тому же, в твоё отсутствие, произошло очень странное событие, которое никто не может объяснить. Час назад, большой светящийся шар, искрясь и оставляя за собою огненный шлейф, пролетел над нашим селом и опустился на землю где-то вблизи кургана. По всей видимости, это было какое-то знамение, посланное нам свыше. Что оно означает – пока ещё неизвестно. Отец твой до сих пор стоит перед иконой и читает молитвы! – голос матери звучал взволнованно, однако, как ни странно, Дарья не обратила на эту новость совершенно никакого внимания. Не промолвив ни слова, она прошла в свою комнату и скоро, согретая домашним теплом уснула, положив под подушку свое странное и прекрасное приобретение. И сразу же ей приснился Юшка. Она отчетливо видела, как он, в полной экипировке княжеского слуги, на красивом белом коне, подъехал к её дому и остановился.

– Дарья, вставай. Какой-то знатный боярин приехал! Тебя спрашивает! – сквозь сон послышался встревоженный голос матери. Дарья открыла глаза и улыбнулась. Сквозь слюдяные вставки окон пробивался слабый утренний свет и, где-то на кухне негромко звенела посуда. Девушка лежала ещё немного, а затем поднялась и стала неспешно одеваться. Что же касается личности появившегося в селе боярина, то на этот счет у нее уже не было никаких сомнений.

Глава 6. Слуга князя Владимира

На улицах в этот день было солнечно и многолюдно. Снег скрипел под ногами, и легкий мороз приятно румянил щеки куда-то спешащих по неотложным делам сельчан. В этот воскресный день на Центральной площади, как и всегда, шла относительно небольшая торговля, и это вносило определенное разнообразие в жизнь осеннего, уже присыпанного снегом, села. Несколько подвод, видимо, принадлежащих кому-то из жителей близлежащих деревень уже стояли недалеко от въездных ворот и оттуда отчетливо слышались голоса, расхваливающих свой товар, продавцов.

Дарья, одетая в праздничное платье, вместе со своим спутником не торопясь, добрались до площади, а затем повернули в сторону небольшого, замерзшего, пруда. Встречая друзей и знакомых, они останавливались и подолгу о чем-то разговаривали. Как ни странно, но всех интересовал вопрос: каким образом приемному сыну небогатого сельского мельника удалось так стремительно сделать свою карьеру, попав на службу к самому князю, Владимиру Старицкому.

– Ещё несколько дней назад, ты, вместе с нами, стоял в торговом ряду и продавал свой небогатый и невзрачный товар, а сегодня уже боярин! – говорили они, и Юшке стоило большого труда убедить сельчан в том, что никакой он не боярин, а всего лишь слуга князя Владимира.

– Служу при Дворе, живу, как и полагается, вместе с остальными слугами князя Владимира. Кормят и одевают нас неплохо, да ещё и за службу платят. Конечно, это не боярские доходы, но жить можно, – говорил Юшка своим знакомым. – Князь Владимир предложил мне пойти к нему на службу, и я согласился.

– Так значит, ты не боярин! – разочарованно произносили слушатели. – А мы-то надеялись....

– Будет он боярином. И не только боярином, но и воеводой! – с улыбкой уточняла Дарья, и ей, как ни странно, верили.

Было уже за полдень, когда они подошли к копаному сельскому водоему. Тонкий лед уже полностью сковал его поверхность и сейчас, отражаясь в лучах солнца, она блестела как натертое серебряное зеркало. Стая мальчишек, несмотря на предупреждение взрослых, уже пыталась ступить на эту гладкое, прозрачное и пока ещё очень ненадежное покрытие, но все было напрасно. Оно предательски трескалось и ребятя, с веселым визгом, тут же выскакивала на берег.

Полюбовавшись замерзшим прудом, Юшка и его спутница повернули обратно и через некоторое время достигли мельницы, на которой ещё совсем недавно работал и Юшка. Сегодня здесь было тихо. Тяжелые жернова были неподвижны, и, казалось, что весь этот огромный механизм, словно живое существо, сладко спит под засыпанной снегом добротной тесовой крышей.

– Знаешь, иногда я жалею, что пошел на княжескую службу. Всё там хорошо, но очень не хватает вот этой мельницы, того же пруда, и многого другого, с чем связаны мои воспоминания. Здесь я прожил всю свою жизнь и меня, наверное, всегда будет тянуть в эти места.

– Меня тебе тоже не хватает? – спросила Дарья.

– Тебя мне больше всего и не хватает, – откровенно признался Юшка. – Скоро уезжать, а ты останешься здесь. Умом понимаю, что всё делаю правильно, однако сердцу приказать не могу.

– Ты и не приказывай. Подожди немного, и я уверена, что желания наши сбудутся, и мы обязательно будем вместе.

– Я подожду, – грустно произнес Юшка. – Сколько нужно, столько и подожду.

– Вот и молодец, – с улыбкой произнесла Дарья. – Князь Владимир обещал взять тебя на службу и, как видишь, не обманул. Надеюсь, и второе обещание он сдержит.

– Это ты о том, что Владимир Андреевич лично приедет сватать за меня дочь священника?

– Именно это я и имела в виду.

– Поживем – посмотрим, – произнес Юшка и вздохнул. – Надеюсь, что все именно так и произойдет.

К вечеру зашли в дом Трофима. Там уже слышали о незнакомом боярине, неожиданно появившемся в селе, но не могли и предположить, что это был именно Юшка.

– Я уже собирался пойти и просить незнакомца, чтобы он взял нашу семью под свое покровительство и по осени перебраться в его земли на новое место жительства, – все ещё удивлялся Трофим – а оно видишь, как вышло – боярин сам пришел в мой дом!

– Да не боярин я, а всего лишь слуга князя Владимира! – в который раз повторил Юшка – и переезжать отсюда тоже не нужно. Не посмеет Левашов отобрать у нас мельницу.

– Почему же не посмеет? Найдет нового арендатора, а мы, всей семьей, останемся без средств к существованию. После того, как ты искупал в пруду боярского племянника, отношение к нам сильно изменилось и не в лучшую сторону. Конечно, можно было ещё все и уладить, предложив большую плату, но твое появление в селе в новой должности, полностью похоронило эти планы. Час назад ко мне уже приходил боярский слуга и пытался узнать, правду ли говорят в Шишкове, что новый боярин приехал отбирать это село у Левашовых. Они закрылись сейчас в своем доме, ни с кем не разговаривают и никого туда не пускают. Кстати, этот слуга сказал, что готов перейти к тебе на службу.

– Мне лестно слышать такие слова, но, к сожалению, это невозможно. Таким как я не дают ни сел, ни деревень, поэтому зря Левашовы так перепугались. Наше село принадлежит не Владимиру Старицкому, а его двоюродному брату, Великому князю Ивану Московскому. При любом стечении обстоятельств, Старицкий князь не сможет никому отдать это село, так что волнения нашего боярина по этому поводу совершенно беспочвенны.

– Жаль, – грустно произнес Трофим. – Если это действительно так, и князь Владимир не волен распоряжаться нашим селом, то это означает, что наступают тяжелые времена. Не простят нам Левашовы своего страха. Придется все-таки уезжать отсюда к другому боярину.

– Не спеши, дядя Трофим! Может быть, пройдет какое-то время, и Юшка сам станет боярином. Он сильный, храбрый и честный. Он, обязательно, добьется своей цели! – Дарья произнесла это так убежденно, что не поверить ей было практически невозможно.

– На всё воля божья. Будем ждать, надеясь на Юшку и его покровителя. Левашовы – они бояре хотя и знатные, но вряд ли станут ссориться с князем Старицким. Может быть, действительно, все сложится так, как ты сказала, – Трофим умолк и в избе на какое-то время воцарилась полная тишина.

– Мне пора! До заката я должен вернуться в город, – наконец, прервал молчание Юшка. – Будет время, и я снова вас навещу.

Он встал из-за стола и, попрощавшись ещё раз со всеми, направился к двери. С ним ушла и Дарья, которой тоже уже давно следовало быть дома.

Проходя мимо дома бояр Левашовых, девушка и её спутник ненадолго остановились, втайне надеясь увидеть Прокла, а точнее выражение лица этого самонадеянного боярского племянника, но этой надежде сбыться так и не удалось. Большой деревянный дом с тесовой крышей с самого утра был тих и безмолвен. Единственным живым существом, которое они смогли здесь обнаружить, была сорока, сидевшая на самой макушке здания. Она с интересом смотрела на стоящих у дома людей и, казалось, заговорщицки подмигивала им, словно давая понять, что знает их тайну.

– А ведь сегодня праздник, – произнес Юшка, глядя на длиннохвостую птицу.

– Я знаю – ответила Дарья. – Сегодня Параскева Пятница – покровительница торговли и хранительница домашнего очага.

– Не только. Посмотри на эту сороку. Она тебе ни о чем не говорит?

– Нет. А о чем может сказать сорока. Эта птица сегодня весь день за нами летает!

– Я это тоже заметил. Значит, сегодня сама Макошь охраняет нас от всевозможных неприятностей и напастей!

– Кто такая Макошь, и, причем здесь сорока? – Дарья удивленно посмотрела на своего спутника.

– Макошь – это великая, но уже всеми забытая, славянская богиня любви и плодородия. Иногда она принимает образ сороки и наблюдает за тем, что происходит в мире людей. Тем, кто упорно верит в свою мечту, она помогает добиться всего, даже самого невозможного, а тем, кто отчаялся – она не помощница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.